КАТЯ ЗВЕРЕВА
МОЙ ГОРЬКИЙ ЛОНДОН

Катя Зверева

Мой горький Лондон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8179192
ISBN 978-5-4474-0081-1

Аннотация

Тому, кто живет близко к западным границам России, другие страны кажутся близкими и доступными. Действительно, что тут сложного – бери билет, лети! Но у Мэри Джейн, которая живет в одном из маленьких городов нашей страны и которая к тому же только оканчивает школу, совсем другое понимание путешествий. Для нее чужие страны – почти недосягаемая, но такая желанная мечта. И еще одна проблема стоит перед ней: какой путь выбрать? "Все говорят, что я должен кем-то стать, а я просто хотел бы остаться человеком". На пути к своей мечте Мэри Джейн встретит необыкновенных людей, которые помогут ей разобраться в себе.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Катя Зверева
Мой горький Лондон

Глава 1

Здесь слишком много Лондона. Его предчувствие везде, и я задыхаюсь от этого.

Серые, словно стальные, плиты домов – это обычный двор в маленьком русском городе. Ароматы прошедших столетий, мысли и дым сигарет – все есть в этих дворах. Я оглядываюсь, и мне становится страшно, но тут же внезапно охватывает дикая радость – предчувствие Лондона как-то оказалось в этом месте. Я стою, окруженная девятиэтажными домами, остервенело вдыхаю воздух – мне плевать, чем здесь действительно пахнет, я вдыхаю жизнь – прошлую, настоящую, будущую. Люди, которые провели здесь много лет, должно быть, очень счастливы, ведь тут – голос чужой страны, сны другого города, нетронутого всеобъемлющей тоской и мыслями о скоротечности жизни.

Иду в магазин – я до сих пор помню тот неповторимый запах круассанов, которые здесь пекли, когда я была маленькой. Такой запах я нигде больше не встречала. Поднимаюсь по ступеням, открываю дверь, втягиваю носом воздух – обычный супермаркет. Пиво, чипсы, сосиски, хлеб. Неужели мир так изменился? Неужели больше никогда не вернется то ощущение непонятной радости?

Англия повсюду. Несмотря на серые улицы, несмотря на унылые лица. Школа с английским уклоном. Надпись на входе «We glad to see you». Росписи всевозможных неформалов. Вон там мой старый дом. Моя жизнь. Место рождения. Мне кажется, что люди говорят по-английски. А на крышах играют панк-рок «безупречные мятежники», молодые британские мажоры. Даже смешно. Нет, это не помешательство. Просто много лет назад я жила в этом районе города. Потом переехала. Прошло десять лет, как-то ужасно нахлынуло, что ли, и я пришла сюда, повинуясь непонятному чувству принадлежности. Каждый человек чему-то принадлежит, а я, по всей видимости, принадлежу этим затхлым дворам, где мне взбрела в голову эта чушь. Английская чушь. Весело.

Бродила до вечера – смотрела на новые дома, людей, магазины; старые гаражи, разбитые дороги, детский сад, который ненавидела всем сердцем. Кто выжил в детском саду, выживет везде. Это было моим твердым убеждением.

Я вернулась в свой район, где живу сейчас. Спокойно стало, исчезли слезы, все время подступавшие к горлу. Здесь Лондона уже нет.

Жаркий, душный июнь. Я лежу на диване, читаю «Котлован» Платонова, по литературе задали. Чуть не засыпаю. Глубокие размышления героя находят отклик, но слишком много советчины, и это угнетает. «Отцы и дети» понравились, несмотря на мое сильное сопротивление, я их, правда, еще в прошлом году читала, и теперь Тургенев – один из любимых писателей, да и вообще предубеждение – сильная вещь. Между прочим, делаю сразу две вещи: лежу на диване и сразу же чувствую себя ненужным элементом общества. Наверное, это и называется «кризис», когда думаешь, что ты – самый ужасный на свете человек, что только у тебя бывают прыщи и что только у тебя совсем нет друзей. Я вот, например, не тусуюсь в клубах и не гуляю с бойфрендом, и, конечно, у меня даже компании нет, с которыми сидят на скамейках в пыльной мгле, катаются на скейтах, играют на гитаре. Почему так, я даже сама не знаю, но как-то не довелось встретить нормальных людей, с которыми было бы интересно проводить время. Понимаете, интересно? Да, я могла бы подойти к ребятам, которые на скейтах неподалеку от моего дома стучат по асфальту, легко могла бы. Но с ними *неинтересно*. До такой степени неинтересно, что даже противно. Они годятся для, скажем, вечера,

когда хочется выпить. Да, выпить, а может быть даже напиться, как скотина. Грубо, согласна. Но это так. Такие чуваки делятся на несколько видов: это обыкновенные придурки, гомики с длинными патлами и сладенькими мордашками и моральные уроды (здесь уже не лечится). Это среднестатистические посетители ночных клубов города, в котором я живу. Я пытаюсь уговорить себя, что это не так важно, что это пройдет, что будут еще в моей жизни люди. Но дикая, жгучая тоска сжигает меня, и я задыхаюсь от одиночества. А вы знаете, каково это – задыхаться от одиночества, когда знаешь, что ничего не изменится? «Котлован» начинает раздражать, желтые библиотечные страницы помнят десятки рук их прочитавших. Я думаю об этом и не могу сосредоточиться на содержании. Об этом и о многом другом. Порой мне кажется, что если бы меня не мучили разного рода придурковатые мысли (о смысле жизни, например), я была бы гораздо счастливее и проще. А так я очень гордая. Мне сказали об этом не так давно. Но это же не так! Это самозащита. Это прикрытие, чтоб не лезли в душу! Очень трудно сказать окружающим то, что действительно хочешь. Я не могу, а иногда так хочется, ведь за обычными ежедневными словами и нарочито равнодушными взглядами кроется нечто большее – такое, о чем необходимо говорить, но очень непросто. Общество само много лет назад создало «неписаные правила», которым следует до сих пор, а я никогда не могла понять – зачем?! Я не могу сказать человеку каких-то слов, потому что я – всего лишь женского рода. Я должна красить губы и ресницы, потому что иначе – не принято и вызывает всяческое неодобрение со стороны окружающих. Я должна быть привлекательной для мальчиков, потому что… Да потому что так делают все! Но, бог мой, так противно смотреть на этих же самых мальчиков с уродливым пухом над верхней губой, которые боятся бриться, но уже думают о сексе! Ах, как прилично все в нашем обществе!

Очень часто хочется курить. Мне шестнадцать, и просто страшно. Но, думаю, когда-нибудь я обязательно сделаю это, потому что очень уж романтично.

А как-то я шла по улице и увидела толпу с флагами. Они против существующего уклада вещей. Общество против них. Но они имеют право на сопротивление и инакомыслие, потому что в конституции сказано, что у нас свободная страна, а конституция – основной закон, и ему нельзя не подчиняться. Они кричали, размахивали флагами и плакатами, а потом приехала милиция и куда-то увезла «зачинщиков». А казалось бы, конституция. В нашем мире все относительно.

Скучно. Идет дождь. Провинциальный город как мышеловка – поймает, и ты никуда не сдвинешься, его железные объятия заковывают тебя, связывают руки и ноги, здесь ты – пленник. Если сможешь, если у тебя хватит на это силы, ты сумеешь освободиться и уехать отсюда или просто найти какое-то равновесие, чтобы просто не упасть больше в эту черную бездну безысходности и страха. А если не повезет, то, увы, все кончено для тебя, ты так и останешься обычным жителем города Д., или О., или Б. Будешь смотреть вечерние новости каждый день, когда придешь с надоевшей и выматывающей работы, будешь ходить в соседний круглосуточный супермаркет, где все продавцы знают тебя и обычное содержимое твоих пакетов, наконец, будешь иметь два выходных в кармане, а ты не знаешь, как и с кем их провести, и от этого будешь сидеть в душной квартире без кондиционера, потому что на него у тебя попросту не будет денег. Вы будете правы, если спросите, зачем подростку шестнадцати лет писать о себе и потом выносить это на всеобщее обозрение. Я тоже долго думала об этом. Но когда ты понимаешь, что ты – одна из миллионов, такая же, как все, что ты сама по себе ничего не значишь – ни для кого в этом мире, ты начинаешь сходить с ума от этого. И еще когда понимаешь, что если ты сама не захочешь что-либо изменить для себя, то ничто и не изменится. Я расскажу вам о событиях, которые происходили этим летом – последним летом, данным мне на раздумья. Считайте, что я будто бы рассказываю вам об этом лично, будто мы сидим с вами в кафе за одним из маленьких деревянных столиков из темного дерева; вы, может быть, курите сигарету, я – пью свой любимый американо.

А вообще, не принимайте все это слишком всерьез – оно вам надо? Иногда я буду говорить не от первого лица, и это буду я и в то же время не я. Короче, решайте сами, что вы подумаете обо мне, ладно? А, еще забыла одну вещь – представиться. Я жму вам руку: зовут меня Маша Ивлева, но я терпеть не могу свое имя, поэтому обычно представляюсь Мари или Мэри. Мэри Джейн.

Решаю позвонить своей так называемой подруге Катьке – потрепаться.

– Алло! – раздается в трубке.

– Что значит «алло»? – спрашиваю. – Не «алло», а приветствую вас, Мария Антоновна, – выдаю несусветную пошлятину.

– А-а, Машка, ты-ыы… – говорит Катюха. – Здарова-а-а…

– Пойдем, погуляем?

– Пойдем! Ой, Мэри, пошли в магазин? Мне надо диск один купить. – Это «ой» у нее получается с каким-то украинским акцентом, вроде «уой».

– Давай! – с радостью соглашаюсь я, потому что чувствую, что сейчас сдохну вот прямо тут, в кресле, от одиночества. Какая разница, с кем идти.

Я выключаю абажур, погружаюсь в полумглу. Дождь… Он как напоминание об одном человеке. Это случилось несколько лет назад.

В тот жаркий вечер в июне я сидела на скамейке у дома своей бабушки, она живет на другом конце города в пятиэтажном доме. Было около десяти часов, и небо – ярко-красное с желтыми и фиолетовыми полосами. Таким огромным солнце может быть только на конце города, где ничто не мешает ему прожить этот последний миг уходящего дня так ярко, так энергично. Ни машины, ни постройки, ни деревья: только феномен солнца. Я просто смотрела и растворялась в его всепрощающем взгляде. В обществе человека мне никогда не удавалось быть настолько свободной – люди всегда каким-то образом сковывали меня. И сквозь эти мысли, занимавшие меня в то лето не так уж редко, пробился тонкий сигаретный дух. На скамейку рядом сел Ванька, бабушкин восемнадцатилетний сосед. Он имел скверную репутацию в кругах местной пенсионерии и пользовался большим уважением окраинной (далеко не безобидной) молодежи. Но был моим приятелем. Я знала его, когда была совсем маленькой, и, поскольку жил он в квартире сбоку, то есть был непосредственным бабушкиным соседом, я была ознакомлена с некоторыми особенностями его быта. Ванька слушал тяжелый рок, играл на гитаре с многочисленными друзьями, обожал компьютерные игры (когда компьютеров еще не было, он «специализировался» на игровых приставках) и был владельцем шумного мотоцикла. Но когда никто не мог его увидеть, он читал книги, выносил мусор, играл с котом, писал рассказы и… разрешал мне приходить к нему в гости – не только когда никто его не видел, а вообще всегда. «О, Мэри Джейн пожаловала! – с шутливой улыбкой обычно говорил он. – Прошу вас, присаживайтесь, мадам, я налью вам чаю. Желаете с конфетами?» – он относился ко мне словно брат – добрый, насмешливый старший брат. Он был, пожалуй, единственным человеком, который воспринимал меня тогда всерьез, как взрослую, хотя и был старше лет на семь. Бывало, я приходила к нему, он наливал мне чаю, доставал конфеты, а сам садился на подоконник, открывал форточку и закуривал. Обычно мы молчали некоторое время, потом он начинал разговаривать, будто сам с собой, но слова его все же были обращены ко мне.

– Люди, – говорил он, – похожи на слепых котят – никто не понимает, что делает. Каждый создает видимость активности, иллюзию действия… Но на самом деле все стоит на месте. Наш мир сейчас очень напоминает несовершенство скошенного газона: невозможно скосить одинаково всю траву, все равно останутся куски, которые будут выше, они всегда будут в оппозиции всему газону – обществу, все будут пытаться сделать их такими же, обычными, посредственными. Но именно они-то всегда и будут править миром, Мэри. Надо

всегда стремиться быть таким человеком. Всегда нужно думать о том, что ты можешь сделать, чтобы перевернуть мир на голову, изменить его. А иначе и не надо. Иначе – зря.

Я слушала его, затаив дыхание, забыв про конфеты, – он рассказывал мне о религиях, о пилигримах, об испанских конкистадорах… Мои мысли уносились в далекие страны, и мне действительно казалось, что я была в Тадж-Махале, и на кофейных плантациях, и в толпе хиппи. А потом приходила с работы бабушка, я шла к ней, мы ужинали, смеялись, ели вдвоем конфеты, но мысли о моем загадочном друге с тоненькими черными усами не давали мне покоя…

Так вот, тем вечером в июне: я не видела Ваньку несколько месяцев, и нашла его изменившимся, похудевшим.

– Как ты живешь, Вань? – спросила я его тогда. – Чем ты занимаешься?

– Уезжал я, Маш. Уезжал. – Он опустил голову и как-то слишком горько сказал: «На столицу поглядел. Как люди живут, что думают, чего хотят. И ты знаешь, Мари, – потом в задумчивости и несвойственной ему растерянности развел он руки, – ведь там все по-другому. Там человек работает для того, чтобы снять жилье. Там все завязано на жилплощади. Больше ничего нет. О нас никто и не думает там. Всем только кажется, что заботятся, суетятся. На самом деле – просто делают вид. С этим надо что-то делать. Что-то делать».

Он крепко стиснул зубы – так, что четко проступали загорелые скулы. Черные, коротко подстриженные волосы, блестящие на солнце. Больше я ничего не могу вспомнить из того вечера. Ровным счетом ничего. Только, пожалуй, еще то, что брошенная сигарета догорала на асфальте красным угольком: пронизывающим, пугающим, а солнце садилось за горизонт, освещая все багровым пламенем, и ничто не мешало ему: ни машины, ни постройки, ни деревья…

А потом он попал в аварию на своем мотоцикле.

Я тогда чуть с ума не сошла. Невозможно сказать… Я ходила, ничего не замечая, почти не разговаривала – словом, чего рассказывать. Было очень хреново, скажу я вам. Меня тогда родители даже к психотерапевту отвели. Курс таблеток, от которых невыносимо кружилась голова, ощущение пропасти и абсолютная темнота. И знаете, что я поняла? Что если ты сам не захочешь снова жить по-нормальному, никто тебе не поможет сделать это, никакой психотерапевт. Это уж точно.

Мы поднимаемся с Катюхой в прозрачном лифте большого магазина. Недавно в нашем городе отгрохали такой. Правда, «отгрохали» – это слишком громко сказано. Не очень большой, но довольно уютный. Четыре этажа: два с книгами, третий – с музыкальными инструментами, и четвертый полностью занимают диски. Стеклянный лифт – это хорошая штука, потому что я боюсь замкнутых пространств, ужасно боюсь, но тут мне даже нравится. Едем мы, значит, едем, и такой вид открывается! Так необычно, я просто не могу объяснить, даже дух захватывает! Это довольно старый район, и главный раритет здесь – старый корпус гуманитарного института, где учился еще мой дедушка, он учитель английского языка в школе. Нет, хвала небесам, не в моей школе. Я его очень люблю, но мне не очень хотелось бы, чтобы он был моим учителем английского.

Мы вышли из лифта, и мне сразу стало как-то хорошо, спокойно. Здесь всегда играет музыка, и на кассе стоит табличка, например: «Сейчас в зале звучит музыка…» – и пишут название исполнителя и композиции. Сегодня там была надпись «K-Maro, «Gangsta party». А мне он нравится, этот чувачок, K-Maro. Только не знаю, как он правильно читается, или так и читается: К-маро? Может быть, Кей-Маро? Да и вообще, какая разница? По-моему, гораздо важнее, если человек делает по-настоящему хорошую музыку, если она из самого сердца идет. Это сразу как-то замечаешь, из сердца она или откуда из другого места. У него, у этого Маро, из сердца – во всяком случае мне так кажется. Но если ты вдруг неправильно

назовешь имя где-нибудь в «посвященных кругах», позор тебе! Это же будет кошмар просто! Это тоже выводит из себя, честно. Чувствуешь себя в таком случае полнейшим дилетантом.

Мы с Катькой ходим по рядам, смотрим. А Катька – она немного диковатая, взрывная такая. У нее в этом магазине глаза прямо-таки разбегаются.

– Машка, глянь! – кричит она почти во весь голос. – Машка, это новый альбом! Это Eminem! Yo! Клева-а-а… – ее возгласы привлекают внимание продавца, он подходит, интересуется, чем может помочь. Если бы вы знали, как мне действуют на нервы эти вопросы вроде: «Могу я чем-то вам помочь?». Так и хочется ответить что-нибудь этакое. Но обычно я просто спрашиваю, который час. Нет, ну они ведь действительно дают неточную формулировку вопроса: «чем-нибудь» – это чем угодно! Я понимаю, конечно, что им так надо по регламенту – вежливость необходима в работе с клиентами, конкуренция как-никак, и нужно к себе покупателей переманивать, но раздражает очень.

Обалдевшая от счастья Катька носится по рядам в надежде отыскать что-нибудь еще. Она очень любит рэп, тащится от него. Я остановилась возле вот этой штуки (не знаю как она называется) с надписью «зарубежный рок», разглядываю обложки дисков, и сгораю от желания оказаться сейчас в Британии. Серый город за окном становится бесконечно противным, слишком маленьким.

Эта жажда другой страны сильнее меня, она необъяснима, она затягивает. Эта жизнь, как на обложках пластинок – пусть она красивее, чем на самом деле, но и та, другая жизнь, пусть даже хуже – она нравится мне. Лондонские окраины или фешенебельные центральные районы – какая разница для русской девчонки из этого города? Ходить, просто дышать воздухом истории, наслаждаться архитектурой, улыбками, этими мохнатыми шапками стражей правопорядка… А правду говорят, что там почти всегда идут дожди и туман не рассеивается?

В зале начинает играть рояль… Откуда он здесь? Бог мой, какой звук! Я стою, простите за сентиментальность, зачарованная, я слушаю…

…My muscles feel like a melee,
My body's curled in a U-shape.
I put on my best, but I'm still afraid.
…
Tell me I'm a part of history.
Tell me I can have it all.
I'm still too tired to care and I got to go.

«Мои мышцы, словно после драки… Мое тело согнуто калачиком… – мысленно пытаюсь перевести я. Да, мой дед иногда говорил со мной по-английски, когда я была еще совсем маленькой. Только как-то выветрилось уже, а в школе английский выучить невозможно. – *Я сказал самое лучшее, но все еще боюсь…. Скажи мне, что я – часть истории. Скажи мне, что я могу иметь все это. Я все еще такой уставший, чтобы идти…»*

Я подхожу к продавцу и, словно во сне, интересуюсь, кто это поет.

– Stone sour. Они обычно поют такой, знаете, трэш, а тут вот спели, и все удивились…

– Будьте добры, дайте мне этот диск. Сколько он стоит? – отсчитываю деньги.

И точно так же, как Катька, я сжимаю и чуть ли не целую этот альбом. Радостная, словно ребенок, когда ему покупают шоколадку, я ищу ее, подхожу, дергаю за рукав:

– Катюха, просто отлично, что мы сюда зашли, да?

– Ага! – широко улыбаясь, кивает она в ответ.

– Кать, а пойдем, кофе выпьем? С пирожными? На первом этаже тут ведь кафе есть, а? Я угощаю!

Мы пили с ней горький кофе, и каждая из нас хотела поскорее прийти домой, поставить диск и, блаженно закрыв глаза, наслаждаться музыкой… Хотя Эминема вряд ли можно слушать с закрытыми глазами.

А потом, когда я уже вернулась домой, мне вдруг захотелось, чтобы на стенах в моей комнате висели фотографии знаменитостей из прошлого века. Черно-белая Мэрилин Монро, Синатра, Клинт Иствуд… И так хорошо было в тот вечер сидеть в кресле в своей комнате и слушать эту странную песню. И даже то обстоятельство, что у меня совсем нет друзей, не огорчало меня. Я вышла на балкон, а на улице пахло свежестью – настоящей, какой-то пробирающей до костей свежестью, сотканной из воздуха. И мне захотелось изобрести метлу. Глупое, совершенно наивное желание. А еще как было бы здорово, если б у людей были крылья за спиной. И развитые спинные мышцы, чтобы летать – я где-то прочитала, что люди не могут летать из-за того, что у них не развиты эти самые мышцы так, как они развиты у птиц. Я даже себе представила, как полечу в первый раз. А потом моему воображению представилось небо, заполненное метлами и разными летательными приспособлениями, и я отказалась от этой затеи – это же надо воздушные коридоры для каждого разрабатывать, наверное.

Глава 2

Звенел будильник, а она никак не могла унять дрожь. Было десять минут седьмого. На цыпочках, чтобы не будить родителей, она пошла в ванную. Включила холодную воду, умыла лицо. Вкус зубной пасты подействовал ободряюще. Вытерла лицо полотенцем.

Кофе был крепким – в холодильнике не было молока, а сахар она никогда не сыпала. Всходило солнце. Верхушки домов от этого были желто-оранжевого цвета. Воздух, словно застывший в пространстве после душной ночи, был наполнен красным ароматом сухой листвы и терпким криком увядающих деревьев.

Она съела бутерброд с вишневым вареньем, оделась, подошла к зеркалу. Она глубоко вглядывалась в свои глаза некоторое время: насмешливо, разоблачающе. Надела плащ, завязала шнурки на черных ботинках. И тихо закрыла за собой дверь.

Утро неожиданно оказалось прохладным. Она шла на остановку, шаги ее были твердыми, широкими, уверенными. Сон постепенно забывался.

…Я часто люблю представлять себя со стороны, разглядывать все недостатки и немногочисленные достоинства. Словно кадры в фильме – знаете, как сейчас модно это делают? Показывают, например, бокал красного вина. Он стоит на столе. За окном – закат. Комната в багряных лучах. И вдруг – бах! Стакан разлетается на куски, распахивается окно. На столе появляется конверт. А на полу – капли такого кровавого цвета. Такой феномен изображения предметов. Сюрреализм какой-то. Мне это так нравится.

Шаги по серым бетонным ступеням. Один, второй, третий пролет. Гулко. Смех. Узкий светлый коридор с обоями зеленого цвета. Это было осенью, в прошлом году.

– Привет, ты в нашу группу? – радостно спросила девчонка, облокотившаяся о стену.

– Привет. Не знаю, мне в этот кабинет. – Я кивнула на дверь слева.

– Да, мы здесь занимаемся. Я – Рита.

– Мари.

Судя по всему, здесь учится довольно много народу. Все они стояли вдоль стен, по большей части молчали и недоверчиво поглядывали на меня – я же была «новенькой» на этих курсах английского.

– Тебе сколько? – спросила она.

– Мне пятнадцать. А тебе? – происходил обычный разговор, когда люди впервые видят друг друга и пытаются узнать какую-нибудь информацию друг о друге.

– Восемнадцать.

– О, так ты уже в университете учишься?

– Да, на юридическом. Надо немного подождать, сейчас откроют кабинет. Учительница опаздывает, – сказала она, заметив невысказанный вопрос на моем лице.

Вскоре открыли кабинет.

– Good morning, children, – сказал какая-то тетенька, посмотрела на меня и улыбнулась. И все хором закричали: «Здрасьте!». («Это наша бывшая учительница» – шепнула Рита).

Большой стол, пластиковая доска, телевизор. Современно оборудованный класс обучения иностранным языкам. Рядом со мной села девчонка с густо накрашенными ресницами; на ней были широкие рэперские штаны, она коротко и деловито представилась: «Катя. Ты Маша, я знаю». (Это и есть та Катька, с которой мы ходили диски покупать).

– Hello, excuse me, I have come very late today. (Я со страху не понимала ничего). У нас новая девочка, да? Маша, если не ошибаюсь?

– Да, гуд морнин… г.

– What is «г»? – пошутила учительница.

Так начался этот первый урок, и никто не знал, какую роль он сыграет в жизни каждого из присутствующих. Не знал никто, но я поняла, что отсюда уже не уйду. Английский флаг на стене нашего кабинета, карта Лондона и фотографии королевской семьи слишком нравились мне. Это был виднеющийся берег той жизни, о которой я мечтала, в которой так хотела оказаться.

Это случилось в октябре. А сейчас уже июнь. Целый год! Целый год я наслаждалась возможностью приблизиться к своей мечте. Это было заживляющим бальзамом для незатянувшихся ран после Ванькиной гибели. Боль отступала в эти часы здесь, в этом неприметном сером здании. Вы не поверите, но это было настоящим счастьем.

«… Я все еще такой уставший, чтобы идти…».

Еще у меня есть приятель. Это может показаться странным, но я не знаю, как его зовут. Ему около тридцати и живет он в двухкомнатной квартире в старом пятиэтажном доме с высокими потолками. Он обитает будто бы сам по себе… как бы это сказать? Целыми днями он находится дома, хотя и говорит, что где-то работает, но вообще он хороший. И забавный – этого у него не отнять. Я называю его Зверобоем, как героя из книги Фенимора Купера, потому что он настолько загадочен для меня, что я просто не знаю. Он носит широкополую шляпу из коричневой замши, как у ковбоев, даже когда находится дома. Ходит с тросточкой – не знаю, зачем – но он немного хромает.

Зверобой носит старые джинсы и рубашку. Часто сидит на деревянном стуле с прогнувшейся от старости спинкой и просто смотрит в окно: на людей, машины, дороги, а иногда взгляд его затуманивается, и он глядит вдаль, еще больше уходя в себя. Впрочем, я бы не сказала, что он слишком мрачный человек, но все же он больше молчит, чем говорит. Он высокий и действительно похож на ковбоя. Я познакомилась с ним в клубе авторского кино – знаете, как-то решила туда пойти, потому что там показывают довольно редкие и хорошие фильмы. Его кресло было слева от моего, так и познакомились.

Еще забыла сказать о его «жилище» – у него там будто эпоха пятидесятых, этакая квартира кубинского шпиона – во всяком случае, мне так кажется. Маленький кожаный диван, местами чуть порванный и затертый от времени, ночник, «шифоньер», тяжелые грязно-желтые шторы, посредине комнаты – ковер, на котором уже стал исчезать рисунок, стеллаж, старый телевизор, перед диваном стоит столик, и на нем – вечно полная сигарами пепельница и бутылка коньяка. Это у него большая комната. Вроде гостиная, ну и спальня сразу. В коридоре висит вешалка, и там – черная кожаная куртка, два плаща, несколько шляп и зонтик. Хотя вряд ли он им вообще пользуется. В другой, совсем маленькой комнате, у него только книжные полки, и больше ничего. Но несмотря на неизменное присутствие бутылки коньяка на его столе, я никогда не видела его в непотребном состоянии – вообще никогда.

Этим своим аскетизмом ему каким-то образом удалось сохранить атмосферу давно ушедших лет, старости, забвения, – но не ветхости. В нем, знаете, был какой-то стержень, и у его жилища тоже. Я не понимаю до сих пор, почему он выбрал такой образ жизни, кто он, и что с ним случилось много лет назад… Я к нему прихожу, и при мне он тоже молчит, иногда только скажет что-нибудь. Но уж если он начинает говорить, тут только успевай записывать, потому что он такие мудрые вещи говорит, заслушаешься. Иногда мне кажется, что и молчит он только для того, чтобы набираться мудрости и придумывать эти свои фразы. Или вспоминать, потому что я не знаю, откуда он их берет.

– Растопыренные пальцы – солнце. Мозоли натруженных рук. Семь часов вечера – идут… Дом с железной крышей, тепло. Синий океан, хрусталь, бирюза, растворяясь. Слово – жизнь, слово – спасение. Красное дерево. Нервы – нет. Брови. Хмурясь, говорит. Улыбается. Снимая тяжкий груз с твоих никчемных плеч. Стрелки – вверх, вниз, вбок! Плевать хотела.

Миром любовь не правит – она только жмет на курок. Не гонись за тем, кто не хочет тебя видеть.

И все это он говорит, глядя в одну точку. Глянет на меня – и снова задумается. Зверобой.

Я касалась пальцами кнопок клавиатуры, рядом дымился горячий земляничный чай… Слева от принтера лежали бумаги – статьи о Грете Гарбо и Вивьен Ли, и Марлен Дитрих. В подставке для дисков на самом верху лежал альбом P. Diddy. Ставлю I'll be missing you, закидываю руки за голову. Закрываю глаза…

Иду в лондонском метро – романтично-грязная обшарпанность лоска. «Good morning, miss» – говорит мне кто-то, улыбаясь. Незнакомый человек идет мне навстречу, приподнимая шляпу. Он впервые видит меня, иммигрантку из России, но рад видеть перед собой это нездешнее существо в черной «кенгурушке» с капюшоном. Я тоже немного улыбаюсь ему, так смущенно: «Welcome, Mr. Unknown. Вы уж меня извините, я же не привыкла к такому общению» *. Выхожу на улицу, светит яркое солнце, и мощеная булыжником площадь источает серое тепло обычного столичного дня. Я достаю из кармана порванных джинсов бумажку с номером телефона, захожу в первую встретившуюся на моем пути телефонную будку, набираю длинный международный номер, жду… Гудки – тонкими полосками бегут через тысячи километров туда, домой.

– Мама! Все у меня в порядке, мама! В моем рюкзаке за плечами целая папка эскизов и фотографий! А сейчас я иду в гости к королеве Елизавете, тише, не волнуйся – пока просто так, она меня еще не пригласила. Ха-ха, да, мам. Иду на экскурсию в Букингемский дворец. Да, в Тауэре я уже была, у меня просто нет слов. А Темза!.. Ты не представляешь, каково это – быть здесь… Твоя дочь ступает по великой земле, мама.

Я вешаю трубку на аппарат, открываю красную дверь. Кафе со стеклянными стенами и маленький красный столик в углу – боже мой, я первый человек из своего рода, из всей многолетней истории моей семьи, ступаю на иностранную землю. Бог мой, если бы вы знали, если бы знали… те, кого уже нет… Я раскидываю руки, пытаясь обхватить все это, никогда мной не виденное: этот день, и этот воздух, и этих людей. И эту жизнь… Лондон, прости мне мои слезы – слезы ханжи и, по сути дела, обыкновенной провинциальной сволочи.

Я открываю глаза, и сказки больше нет. За окном – мой город Б., или О., или Д. Или черт его знает какой. Ну привет, привет тебе, моя родина.

Глава 3

Сегодня пятница, и весь город заполнен свадебными машинами. Как же меня раздражают эти церемонии бракосочетания, бог мой! Все, по большому счету, собираются только для того, чтобы поесть, а сами дарят всякую гадость: кухонные принадлежности, полотенца, стиральные машины. А когда жених с невестой целуются, все кричат совершенно абсурдное «Горько!». И целуются они у всех на виду, на виду у этой толпы дальних и ближних родственников: пьяных, сытых, наглых. Как это вообще может способствовать «укреплению семьи»? Ото всех воняет и играет старомодная музыка. Брр. Мне доводилось пару раз присутствовать на подобных «торжествах», и я с тех пор поклялась себе, что у меня такого никогда не случится. Нет, не свадьбы не случится, а такого праздника.

Уж если я встречу человека своей мечты – такого, что дня без него не смогу прожить, то мы поженимся где-нибудь в Мексике, в какой-нибудь старой деревушке нас обвенчает падре, а потом мы убежим с ним далеко-далеко, туда, где небо встречает землю и они вместе болтают ногами, глядя на уходящее солнце, и никто не будет знать, где мы. Своим родителям я только телеграмму вышлю, и все. Вот это будет здорово! Никто за тобой не смотрит, и ты совершенно не скована взглядами этих противных родственников: троюродных бабушек, двоюродных дядей, их детей и внуков. Вот это жизнь!

А пока я такого человека не встретила, то и думать не стоит. Хотя, знаете, мне кажется, что он должен быть иностранцем, например, испанцем. Ну или мексиканцем. Они такие красивые! А иностранец – потому что другой менталитет. Образ жизни и вообще – сущность. У нас будет кофейная плантация и большой дом с просторной террасой, увитой зелеными листьями. Я буду встречать мужа на закате, стоя на горячей земле в легком развевающемся от ветра платье и глядя на раскинувшиеся сады и плантации, и солнце будет светить в наш дом через большие окна и оставлять на полу длинные желтые лучи. Наши дети будут играть на рояле (он будет стоять у нас в гостиной), и читать книги в огромной библиотеке, и бегать в саду с апельсиновыми деревьями. Двое детей… нет, трое – три мальчика. Черноглазые, темноволосые, забавные и умные – они будут знать, что их жизнь зависит он них самих, не то что их мама сейчас, сидя у окна и бесполезно тратя драгоценные часы. И время будет неспешно течь в этом краю, подарившем нам счастье, и наша жизнь будет спокойной и размеренной…

Боже, как это, наверное, глупо звучит – все эти слова – и напоминает мечты древней старухи. Может быть, я захочу такой жизни потом, когда состарюсь, буду нуждаться в спокойствии и тишине, но пока меня тянет туда, в туманную даль, в мой Лондон, покорять мир и быть независимой, сильной, энергичной. Я хочу битвы за свое счастье, черт подери!

…Тогда, много лет назад, в квартире у Ваньки был аромат черной смородины – и все пахло этой ягодой, и даже, мне казалось, сам Ванька весь был окутан этим ароматным облаком. Он когда на дачу ездил, растирал пальцами листки смородины, чтобы запах сохранялся – он сам мне рассказывал. Он и чай готовил из разных листьев и ягод – бабушка тоже так делает, но у Ваньки все было по-другому, со смыслом, со вкусом, понимаете? У них с мамой была двухкомнатная квартира, та комната, что поменьше, была Ванькиной. Она, если по правде, была совсем маленькой. На стене висел ковер, как раньше было принято, стоял обшарпанный письменный стол и высокий шкаф для одежды. На окне в его комнате висели обычные шторы, в углу стояла гитара. Ванька учился в техникуме, работал где-то на заводе – он все время, пока учился, там работал, получал какие-то гроши. И все время он хотел уйти – из техникума и с завода, уехать. Как бы вам сказать… Ванька был из тех людей, которые слушают Цоя и боготворят Че Гевару, в его компании все были такими. Философы.

Вот оно, где несовершенство всей системы – Ванька был слишком умным и способным, слишком… ему дорога была в университет, вот я про что говорю. А *возможности* не было.

***

Часы показывали 13:50. Она шла по проспекту. Девушка двадцати семи лет. Светлый цвет волос, острый нос, выдающиеся скулы. Почти подростковая сумка. Татуировка внизу на ноге, чуть выше сандалий. Походка – мягкая, будто у кошки. Взмахи рук – широкие, необычные. Она поднимается по ступеням невзрачного серого здания: «Визовый центр» – золотые буквы на вывеске. Девушка выпрямляет спину, поднимает голову, делает взгляд более дружелюбным, лучезарная улыбка. Снова собеседование. Снова кучу документов. Открывает тяжелую деревянную дверь, выкрашенную в темный, почти черный цвет и покрытую лаком. Входит. Мельчайшие детали не ускользают от ее взгляда – она слишком напряжена и настороженно смотрит по сторонам, стараясь не показать своего волнения. Поцарапанная замочная скважина на двери слева. Треснувший каблук на чьих-то туфлях. Красный лак на ногтях у девушки на стуле. Коридор. Мягкий шелест ее кроссовок на полу. Сейчас кабинет направо. Стук.

– Здравствуйте. Можно?

– Проходите. – Говорит с кем-то по телефону, кладет трубку на аппарат. – Присаживайтесь. Добрый день.

Она садится в мягкое кресло, смотрит по сторонам – висят большие фотографии в рамах: море, пляжи. Сертификаты, стеллажи с толстыми папками, запах сухой бумаги и ксерокса. Сердце грохочет где-то в ушах. Она пристально смотрит на своего собеседника.

– Вы у нас… – он вопросительно глядит на нее.

– Килямова. Ксения Олеговна.

– Килямова… Килямова… м-м-м… – чиновник ищет букву «к» в картотеке, листает какие-то бумаги. Встал, достал толстую папку. Серый костюм, чуть коротковатые брюки, часы на правой руке. «Чистый выпендреж» – совсем по-детски подумала она. Снова сел в черное кресло.

– Что я вам хочу сказать, Ксения Олеговна… – тут он закашлял – громко, мокро, и седые волосы на его голове слегка колыхнулись. Ксения отметила это и улыбнулась. Про себя, разумеется.

– Значит, Ксения Олеговна, – снова начал он, – гм, гм, хммм, результат неутешителен. Но это пока! – он предупреждающе взмахнул ладонью, заметив ее разочарованный, беспомощный взгляд. – Пока. Но если вы хотите, то снова можете подать заявление на визу, только с маленькой поправочкой. – Послюнив пальцы, он взял несколько листков. – Вот здесь, смотрите, надо что-то другое указать, потому что так ведь получается чистая эмиграция, вы понимаете, о чем я, да? – старец воззрился на нее хитрым взглядом. Ему было плевать, это его ежедневная работа, и таких, как она – сотни.

Снова пришел отказ, и значит, в ближайшее время визу она не получит, и значит, еще месяцы здесь, в этом городишке… Она глядела на этого Ивана Павловича несколько секунд. Потом взяла ручку и в четвертый раз заполнила эти чертовы документы. Почему в Великобританию так трудно получить визу? Политика, будь она трижды неладна.

***

Провинциальный город. Я никак не пойму, как могут люди посвящать свою жизнь жизни здесь? Никак не пойму. Заросшие бурьяном тропинки, некошеные газоны, разбитые дороги. Старье и ветхость. Затхлость и вонь дворовых помоек. Как можно быть среди этого и уважать себя, смотреть другому в глаза? Будто скотный двор. Чем лучше такая жизнь существования в деревне? Кулаки сжимаются сами собой – я среди этого одна. Одна. Мне некуда было пойти. Кроме того места, где меня, я знала, ждут.

На Ванькиной могиле растет рябина. Его мама посадила маленькое деревце когда он погиб, а сейчас оно большое, выше меня, и когда будет август, ягоды будут красивые, красно-желтые. Горькие ягоды. Это его любимое дерево. Я выкинула искусственные цветы – их вечно приносят старухи, которые жили с ним в одном доме. А он терпеть не мог такие цветы, вот я их и выкинула. Тут все очень чисто – его мама часто приходит сюда, до сих пор. Его фото, где он живой. Улыбается своей улыбкой, а зубы чуть-чуть желтые от сигарет. Здесь у него длинные волосы, до ушей примерно, такая черная шапка. Здесь он еще совсем молодой, ему где-то лет шестнадцать. Иван. Ивка. Он меня называл Мэри Джейн, а его – Ивка. Ивка… «Тсс, не плачь. Слышишь шепот осени? Скоро будут идти дожди, и желтые листья будут на моей могиле. Сначала сухие, будут шуршать под ногами, а потом – горькими, терпкими, как мы с тобой любим. Джейн, я рад тебя видеть. Ну как, как там моя гитара? Ты играла на ней? Ты хотела научиться, я помню, я все помню, слышишь? А ты все еще любишь те конфеты? Как ты живешь, сестренка? Не плачь, Мэри Джейн. Здесь совсем не так плохо, как говорят…» – это будто его голос звучит где-то рядом, за спиной. Я оборачиваюсь: лишь ряды угрюмых могил… «Ваня, Вань! – говорю я вслух, чтобы он услышал. – Братишка мой маленький! Как мне плохо без тебя, Ванечка! – я пытаюсь не заплакать, но слезы текут из глаз сами. – Я тебя не забыла, слышишь меня? Я буду приходить к тебе, и осень мы встретим вместе. Только не здесь. В нашем любимом саду, помнишь, да? В нашем саду, Вань! Ничего не изменилось с тех пор, как ты исчез, и все по-старому. Все так же плохо, Ваня. Несовершенство скошенного газона… как ты и говорил. Портрет Че Гевары висит у меня в шкафу, я достала его в нашем городе с большим трудом. Никто вокруг не знает, кто такой Че Гевара. Только мы – ты и теперь я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.